СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

БЕСЕДЫ О МАСТЕРСТВЕ

**Николай
Гринько:**

«Значит, это было не зря...»

Народный артист УССР Николай Гринько. В памяти всплывают фильмы «Сюжет для небольшого рассказа», «Комиссары», «Двадцать дней без войны», эпопея «От Буга до Вислы», эксцентрическая комедия «Автомобиль, скрипка и собака Клякса», детектив «Два долгих гудка в тумане» и десятки других лент. Ему доводилось работать с С. Юткевичем и С. Бондарчуком, А. Аловым и В. Наумовым, А. Зархи и Г. Данелия, Т. Левчуком и Д. Асановой... Для персонажей Н. Гринько характерны жизненная достоверность, человеческая основательность и неординарность. В каких бы обличьях и исторических эпохах ни появлялись на экране его герои, все они увиденны зорким, неравнодушным взглядом нашего современника.

Мы встретились с Николаем Григорьевичем на его квартире в Киеве в дни, когда столица Украины встречала участников фестиваля дружбы СССР — ГДР. По всему городу проходили митинги, концерты, вечера встреч, люди несли плакаты «Нет — крылатым ракетам в Европе!», «Не дадим взорвать мир!»

Конечно, произведения искусства сами по себе не могут в корне изменить политическую ситуацию — даже при всей серьезности постановки в них вопросов войны и мира, — размышляет Николай Гринько. — Но в то же время у искусства, в частности у кино, — роль отнюдь не стороннего наблюдателя. Ибо оно будит в людях чувство их личной ответственности за будущее, способно вселить веру в то, что коллективная воля народов — решающая сила в движении против гонки вооружений... Мне часто приходилось играть людей в военной форме, и я всегда старался подчеркнуть их «штатскую сущность», их тягу к мирному, созидательному труду, ибо война — вещь противостественная; человек рождается для счастья, а не для вечного страха.

В свое время в фильме «Мир входящему», рассказавшем о конце второй мировой войны, вам довелось сыграть американского солдата. Как бы, по-вашему, отнесся сейчас тот герой к действиям администрации Соединенных Штатов?

— Тот персонаж был взят

мною фактически из жизни. Во время войны мне, сержанту авиационных войск, довелось получать машины, которые шли к нам из Америки. Мне запомнился среди американских солдат-шоферов один замечательный парень — умный, веселый, доброжелательный. Мы говорили на разных языках, но прекрасно понимали друг друга. Вот с него я и «рисовал» потом своего героя. Было бы интересно узнать, что с ним стало. Жива ли в нем память о нашей совместной борьбе с фашизмом? Наверняка он, знающий войну «изнутри», тоже мечтает о том, чтобы все пережитое нашим поколением в ту тяжелую годину оставалось только на экране. Он не может, не изменив самому себе, одобрить создание все новых средств уничтожения жизни на земле...

Конечно, американский президент — мастер эффектной поэмы, любит «играть на аудитории», вот ему и удается «ломать комедию» о советской угрозе. И он не думает, что это может обернуться трагедией для его же народа... Если бы довелось, я сказал бы господину Рейгану как актер актеру: «Мировая арена — это не съемочная площадка очередного вестерна. Здесь надо не «бить на эффекты», а всерьез задуматься над завтрашним днем планеты. Пересмотрите, пока не поздно, свой «репертуар»...».

— Николай Григорьевич, ваши киногерои в большинстве своем положительные.

Ваше мнение о проблеме настоящего героя?

— Споры об идеальном герое и о «рецепте» его создания — споры давние. Идеал, как в жизни, так и в искусстве, должен быть. Да, в герое нужны и честность, и самоотдача большому делу, и чувство юмора, и деловые качества, но нельзя эти черты складывать механически. Очень часто попытки создать на экране идеального героя опираются на плоские решения, на набор штампов, и вместо цельной, яркой человеческой личности мы видим нечто усредненное, дистиллированное. Мне внутренне близок баталовский Гоша из фильма «Москва слезам не верит», интересны люди, предъявляющие себе и другим высокий нравственный счет, вроде воспитателя Антонова из «Пацанов».

— А кто любимый киногерой вашего детства?

— В этом я не оригинален: обожал Чапаева, героев ленты «Мы из Кронштадта». Очень любил Николая Черкасова, до сих пор захожусь под впечатлением от его ролей. Пожалуй, актерская и гражданская деятельность Черкасова наложила отпечаток на всю мою жизнь, дала направление творчеству.

— В кино мы вас увидели уже зрелым актером, а как вы пришли в искусство?

— Действительно, сниматься я начал поздно — тридцати с гаком. А до этого... Театром «болел» почти с самого детства, наверное, это наследственное: родители были актерами периферийного театра. В школе мы с приятелем организовали свой театр, где ставили довольно серьезные вещи. Нас, естественно, прозвали «Станиславский и Немирович-Данченко»... Моими университетами стала война. В 1946-м, демобилизовавшись, попал в Запорожье в настоящий театр помощником режиссера. Однажды заменил одного из

исполнителей, и пошло-поехало. Потом окончил студию при Театре имени Щорса, считался острохарактерным, комедийным актером. Выступал и на эстраде в разговорном жанре, одно время руководил эстрадным оркестром «Днипро» в Киеве.

— Какой фильм был вашим кинодебютом?

— «Тарас Шевченко» Игоря Савченко, где я сыграл эпизодическую роль бунтаря. В «подмастерьях» у Савченко ходил его ученики по ВГИКу А. Алов и В. Наумов. Спустя несколько лет они вспомнили меня и пригласили в свою картину «Павел Корчагин», написав там специально для меня роль чекиста. Зритель хорошо принял моего героя, это окрылило. После «Мира входящему» тех же режиссеров появился целый ряд предложений — в фильме «Большая дорога», «Мы — русский народ» и другие. Теперь на моем счету более 130 картин.

— И какая из них самая любимая, самая памятная?

— Пожалуй, «Сюжет для небольшого рассказа», где С. Юткевич доверил мне создать образ Антона Павловича Чехова, а партнершей была Марина Влади. Это был важный момент моей киносьюжетности. К тому же работа с самобытным, ярким режиссером всегда доставляет огромное творческое удовольствие. С. Юткевич чувствует актерскую природу, старается раскрыть твою индивидуальность с неожиданной стороны, обогащает понимание роли. А когда попадаешь к режиссеру среднему, думаешь, ох, только бы не мешал, только бы не начинал вдаваться в «глубокомысленные» рассуждения о том, чего сам внутренним взором не видит.

— Итак, вы «были» Чеховым, а какие чеховские произведения наиболее близки вам?

— Дорог Чехов — социальный аналитик, изучающий

«одезны» своего времени, Чехов периода «Тоски», «Палаты № 6». Он призывал художников «ездить в жестком вагоне», то есть чаще опускаться из сфер фантазий и абстрактных представлений на землю, знать реальные проблемы простого народа. Взгляд из «жесткого вагона» не помешал бы и создателям многих наших кинопроизведений. Чего греха таить, много фильмов создается по отработанным, «проверенным» шаблонам — так, дескать, спокойнее. Цельные блоки ситуаций и характеров, ставшие «знаком» той или иной тематики, кочуют из картины в картину.

Есть шутка: «Столб — это отредактированная ель». Неужели мы хотим, чтобы наш репертуар представлял собой вереницу телеграфных столбов? Часто редакторы видят свою задачу в том, чтобы сделать опекаемые ими фильмы «на что-то похожими». А может, изменить им в обязанность добиваться «непохожести», принципиального отличия от того, что было сделано ранее, требовать от авторов свежих решений? Конечно, в этом предложении есть немало утопии... Но давайте взглянем трезво: из-за обилия серых, вторичных по своему замыслу картин наш кинематограф терлет зрителя. С этим надо что-то делать.

— Отказываетесь ли вы от ролей?

— Редко — не могу без работы. Хотя понимаю, что и приглашают порой только из-за типажных данных. Типажность, на мой взгляд, вообще беда нашего кино. Написано в сценарии: герой высокий, худой — так, думает режиссер, кто у нас такой? Ага, Гринько, пригласите-ка его... При такой системе актерских откровений ждать не приходится. Конечно, небольшому ряду ведущих актеров удастся показать на экране все, что они умеют. Но я смело могу

назвать десятка два-три артистов из «второго эшелона», на которых специально стоит писать сценарии. К сожалению, у нас это не принято... Поэтому многие талантливые молодые актеры могут просидеть «в девках» до старости, зритель так и не узнает, что было у них за душой.

— Ну, на всех главных ролей не хватит...

— Да не в главных ролях дело. Дайте эпизод — глубокий, сочный, чтобы в нем характер был, страсти; такой эпизод может целой роли стоить! Но у драматургов сейчас, как правило, «хватает духу» выписать более-менее подробно характер главного персонажа, ну, еще одного-двух. Яркая роль второго плана — редкость, вот и бледнеет фон картины. Другое дело — классика! Вот я работал недавно в телефильме «Миргород и его сбитатели», играл знаменитого гоголевского Ивана Ивановича, который поссорился с Иваном Никифоровичем. Так это была просто отдушина; и характер есть, и мысли, и есть где фантазии развернуться!

— Пишут ли вам зрители?

— Пишут. Письма в основном благодарные. Хотя иногда ругают за то, например, что после роли Чехова взялся играть отрицательных героев — Врангеля в «Рудобельской республике», Келлера в детективе «Один из нас».

Бывают и встречи со зрителями поразительные. Вот познакомился недавно с одним директором строительного комбината — с каким знанием дела, с каким понастоящему неравнодушным отношением к проблемам нашего экрана он задавал вопросы! Сказывается, он испробовал целые толстые тетради мыслями о кино — где только время находит! Перед такими людьми невольно преклоняешься и понимаешь, что работаешь не зря.

Беседу вел
П. ЧЕРНЯЕВ.